

УДК 80

*З.Н. Бакалова, А.С. Бакалов***ПОВЕСТЬ Т. ШТОРМА «ЛЕСНОЙ УГОЛОК» (ОПЫТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)**

Статья представляет опыт филологического анализа повести немецкого писателя XIX века Теодора Шторма. Цель статьи – показать мотивный уровень мастерства писателя, представившего в рамках поэтики «бидермайера» и «поэтического реализма» историю разрушения любви между людьми разного возраста и разного социального положения. Автор воспроизводит в повести не только обычную для него ситуацию «угрожаемой идиллии», но и ситуацию «потерянного рая», разрушенного кознями местного «дьявола». В ней выявляется такой авторский прием, как использование символики гнезда и его разорения, хищной птицы и ее жертвы. Сюжет новеллы составлен из разведенных во времени значимых фрагментов действия и строится как система точек зрения на повествуемое со стороны действующих лиц – бургомистра, крестьян в кабачке, Виб Леверенц и, конечно, автора-повествователя. Немаловажную роль для повести играет сюжет картины со стихами на ней, найденной героями на стене «Лесного уголка». Существенную роль играет оценка повести Т. Шторма со стороны пишущих современников. В любом случае автор новеллы предстает как тонкий знаток человеческой психологии.

Ключевые слова: Т. Шторм, «Лесной уголок», бидермайер, Герхард, Франциска, новелла, аренда, лес, степь, лесник, гнездо, разорение, сокол, сова, сюжет.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-727-732

Опубликованная в 1874 г., новелла Т.Шторма (1817–1888) «Лесной уголок» (Waldwinkel) получила вскоре чрезвычайно пестрый разброс читательских отзывов – от эпитетов «твое самое виртуозное произведение» (Пауль Хайзе)¹ и «дар Твоего гения Твоему народу и Твоим друзьям» (Людвиг Пич)² до «продукт слабый», где «поэзия намазана сверху, как масло» (И.Тургенев)³, и «полная чепуха, лживая, угловатая и рафинированная» (Т.Фонтане)⁴. При этом даже самые строгие критики новеллы – Тургенев и Фонтане – отдавали должное автору за описание природы, в чем Т.Шторм превосходил, на их взгляд, все предыдущие свои произведения, включая даже прославившую его «Иммензее».

Сюжеты новелл Шторма разворачиваются, как правило, в какой-то «глубинке», вдали от людского «мейнстрима» – в ситуациях уединения, дающих возможность сосредоточиться на изображении раздумий, чувств и переживаний небольшого круга героев. «Внешне мне нужна уозсть, чтобы идти вширь внутренне», писал в 1881 году Шторм молодой художнице Хермионе фон Пройсхен⁵. В сущности, его новеллы – произведения «семейные», где проблемы членов того или иного узкого круга имеют выход в большой мир и важны для всего «общества», «ячейками» которого эти малые группы так или иначе служат. Нередко действие штормовских новелл прерывается, дробится на ряд сюжетно и психологически значимых фрагментов, разделенных временными «лакунами». В этом отношении новелла «Лесной уголок» вполне «репрезентативна»: она выводит на сцену достаточно типичный для Т.Шторма хронотоп: маленький «окультуренный» участок земли на стыке леса и болотистой степи, на котором временно поселится в двухэтажном доме кружок симпатичных людей, попытавшихся выстроить семейные отношения.

Начинается же новелла как вполне типичное произведение бидермайера с привычными для этого направления персонажами⁶: в ратуше заштатного немецкого городка встречаются два давних

¹ “vielleicht Ihr virtuosestes Stück, von einem unsäglichen Reiz der Durchführung” [7. С. 759].

² “diese Gabe an Dein Volk und Deine Freunde” [7. С. 758].

³ “Dieses Stormsche Produkt ist schwach... Alles ist hart, unmotiviert <...> und die Poesie wird wie Butter aufgeschmiert” [Ebda].

⁴ “der reine Quatsch, unwahr, eklig, raffiniert” [7. С. 758].

⁵ “Ich bedarf äußerlich der Enge, um innerlich ins Weite zu gehen” [6. С. 10].

⁶ “Типичный” герой “бидермайера” – человек, доживающий свой век в сельском уединении и предающийся воспоминаниям о молодости. Его отличают либерально-консервативные взгляды, сентиментальность, неизменное душевное равновесие, гуманность и бескомпромиссно нравственная чистота. Его милые чудачества, вроде научных штудий или коллекционирования минералов, общая атмосфера неприметного героизма его поступков – все это как частности могло встречаться и в произведениях романтиков. “Герои бидермайера, – по замечанию Г. Вайдта, – все потерпели неудачу или прозевали свое счастье в юности. В отраженном свете позднего примирения заключается счастье бидермайеровского человека”. [Цит. по: 8. С. 8)]

друга, бывшие сокурсники, люди теперь уже зрелого возраста. Один из них – бургомистр этого городка, обремененный всякими неотложными делами, а другой – его неожиданно появившийся гость, ученый-ботаник, который после ряда жизненных крушений (дуэль, тюрьма) хотел бы поселиться где-нибудь в малолюдном местечке с целью пополнения своих научных гербариев. Бургомистр предлагает гостю арендовать для обитания подходящий для этого участок помещицкой усадьбы, названный в округе «Убежищем чудака» (Narrenkasten), а на ближайшие полчаса просит друга побыть импровизированным секретарем в предстоящем судебном разбирательстве по делу о посягательстве содержания сиротского пансиона на честь одной из его воспитанниц. Так на этом слушании дела встретятся взглядами 48-летний ученый Герхард и истица процесса – 17-летняя девушка-сирота Франциска Феддерс. Как станет понятно из дальнейшего, помогая понравившейся ему девушке, Герхард предложил ей поселиться с ним и его престарелой экономкой в том самом арендуемом им «Убежище чудака», официальное название которого – «Лесной уголок». Он договорился обо всем с нынешним опекуном Франциски и получил согласие обоих на ее переезд в названное загородное строение.

«Лесной уголок» – помещицье владение, сдаваемое внаем. Он отгорожен от остального мира высоким забором (zwanzig Fuß hoch) с железными воротами и с кирпичным домом, все окна которого выходят в сторону леса. Вплотную к забору примыкает темный ельник. В прежнее время это «убежище» отстроил для себя дед нынешнего юнкера, когда почувствовал отчуждение к себе после женитьбы сына. Главная же помещицья резиденция находится в глубине леса, и с той стороны до слуха наших арендаторов будут временами доходить шумы празднеств, охотничьи выстрелы и ощущение... надвигающейся угрозы!

У Франциски нет родственников, она бедна, и для нее «Лесной уголок» – не только нежданная крыша над головой, но и некая надежда на будущее. К тому же из текста явствует, что девушка – вовсе не пассивная жертва обстоятельств. «Ну и смышленная плутовка эта Франциска, – охарактеризует ее бургомистр после заседания <...> Жаль, что нет у нее ничего <...> Для обыкновенной служанки она слишком много училась, а для более высокого положения – слишком мало» [5. С. 344]⁷. «Я не из пугливых» (“Ich erschrecke nicht so leicht”) [8. С. 487], – скажет сама она инспектору, который покажет ей дорогу к «Лесному уголку». Девушка привлекательна, не будучи красивой, умна, неплохо рисует, лишена иллюзий относительно жизни, у нее крепкие нервы, практичный ум, цепкая натура, она может постоять за себя. На вопрос Герхарда, как ей жилось у ее прежнего опекуна, она ответит без обиняков:

«У сапожника весь дом пропах кожей, да к тому же они совсем нищие» [5. С. 353]⁸.

Герхарда смущает такая бесцеремонность симпатичной ему сиротки. Он «замечал в ней многое, что претило всему его существу: жесткость, ужасавшую его, самостоятельность, презрительно отвергавшую всякую опору» [5. С. 355]⁹.

Франциска – тип плебейки, пытающейся «выйти в люди», штормовский вариант более известных в литературе героинь Бекки Шарп из романа Теккерея «Ярмарка тщеславия» или Абби из драмы О’Нила «Любовь под вязами», и автор, не высказываясь напрямую, исподволь насыщает текст новеллы штрихами-маркерами, готовящими читателя именно к такому восприятию образа девушки. В компании поглядывающего на нее стареющего мужчины она достаточно успешно пользуется женскими уловками, чтобы заинтересовать его собой. Изначально ее оружие – холодность. Когда Герхард после своих взглядов и вздохов фактически напрямую объясняется ей, написав на ее рисунке призывающее к любви четверостишие¹⁰, читаем:

«Исписанный листок он положил перед нею, но она едва взглянула на стихи, не подымая глаз, сунула этот лист под другие и снова низко склонилась над работой» [5. С. 354]¹¹.

⁷ “Ein gescheutes Rackerchen, diese Franziska” <...> “Schade, daß sie nichts in bonis hat; wir wissen nicht recht, wohin mit ihr; für den gewöhnlichen Mägdendienst hat sie zuviel, für eine höhere Stellung zuwenig gelernt” [8. С. 478].

⁸ “Bei dem Schuster roch das ganze Haus nach Leder; und Bettelleute waren es auch” [8. С. 490].

⁹ “So manches hatte er an ihr bemerkt, das seinem Wesen widersprach; es blitzten Härten auf, die ihn empörten, es war eine Selbstständigkeit in ihr, das fast verachtend jede Stütze abwies” [8. С. 492].

¹⁰ Eine andere Blume hatt ich gesucht -
Ich konnte sie nimmer finden;
Nur da, wo zwei beisammen sind,
Taucht sie empor aus den Gründen.

Я так искал другой цветок,
Но отыскать его не мог.
Лишь там, где стук сердец един,
Он возникает из глубин.

[8; 491];

[Пер. И. Зусманович. 5. С. 354].

¹¹ “Er hatte das so beschriebene Blatt vor sie hingelegt; aber sie warf nur einen raschen Blick darauf und schob es dann, ohne aufzusehen, wieder unter die andern Blätter, indem sie sich tief auf ihre Zeichnung bückte” [8. С. 491].

Совсем иное впечатление складывается в тексте о самом Герхарде, образ которого также не сразу раскрывается из содержания оставленных в тексте авторских «маркеров». Так, из воспоминаний его друга-бургомистра мы узнаем, что Герхард был в свое время серьезным студентом, секретарем студенческой корпорации [5. С. 339], «одолел в университете все факультеты» [5. С. 337], а впоследствии был замечен как автор статей, анонимно публикуемых в ботанических журналах [5. С.337]. Узнаем также, что в студенческие годы он был «мечтателем» и настолько влюблен в свою невесту, что в ее отсутствие не хотел танцевать с другими девушками [5. С. 338]. От других персонажей новеллы читатель узнает в дальнейшем и об иных фактах его биографии, в частности, о предположительном участии Герхарда «в крупном заговоре студентов, которые хотели известить всех королей» [5. С. 344]¹², за что «пруссаки долго продержали его в мрачной темнице, где он не видел ни солнца, ни ночных звезд» (там же)¹³. Узнает читатель и о неудачной женитьбе Герхарда на той самой его невесте: жена вскоре изменила ему с каким-то «бароном», которого Герхард «застрелил, а потом уехал, куда глаза глядят, только бы забыть про все свои невзгоды» [5. С. 345]¹⁴.

В свои 48 лет герой выглядит стройным и молодым. Любопытная деталь, могущая стать одним из пророческих для новеллы символов: характеризуя 17-летнюю Франциску, бургомистр отмечает ее раннюю зрелость, повторяя чье-то мнение о том, будто «глаза у нее на несколько лет старше, чем она сама» [5. С. 342]. Герхард же, напротив, поразил друга как раз молодостью своего взгляда: «эти невероятные молодые глаза они ничуть не изменились, они все те же, что в наши лучшие дни» [5. С. 337]¹⁵.

Драма, положенная в основу новеллы, это и проблема любви между людьми разного возраста, разной ментальности и разного социального положения, но это еще и драма окружающего мира, вторгающегося в частный мир интимных отношений. Проблема «Я и Другие», находящаяся в литературе самые разные воплощения (герой и толпа), «тирания среды», «Гора и Равнина» в «Волшебной горе» Т.Манна, «гений» и «посредственность» и др.), выступает в «Лесном уголке» в форме неожиданно возникшего «любовного треугольника», «третий угол» которого также появится в новелле не вдруг, а будет подготовлен рядом возникающих тут и там авторских эпитетов и символов.

Начинается символика с мотива разоренного птичьего гнезда. Посетители деревенского кабака обсуждают предстоящее вселение незнакомых им людей в пустующее рядом с деревней «Убежище чудака», но их неспешной беседе мешает громкое стрекотание сорок, защищающих свое гнездо от нападения четы соколов. Хищники вскоре одержат победу, сорочье гнездо опустеет, что впоследствии еще раз будет отмечено автором, и тут же сидящие в корчме крестьяне упомянут в своей беседе «нового лесника», который «стреляет как черт и до девок больно охоч» [2. С. 343]¹⁶. Именно этот «новый лесник» – персонаж самоуверенный, наглый и грубый, приехавший, кстати сказать, из той самой «Пруссии», где отбывал тюремное наказание Герхард, и станет тем хищником, который разорит идиллию «Лесного уголка». Но перед этим хищные птицы еще несколько раз будут прилетать к нашим героям из, беспокоя его мирных обитателей. Так, уже при первом приближении Франциски к еще пустующему и запертому на замок «Лесному уголку» «с ветки дуба, перекинувшейся из леса на крышу дома, поднялась большая хищная птица и стала кружить над одиноким строением, испуская пронзительные крики» [5. С. 348]¹⁷. В дальнейшем соседствующий темный ельник будет неоднократно давать о себе знать ночными криками совы. Криком же совы, хоть и не очень умелым, воспользуется в свое время и «новый лесник», выманивая Франциску на ночное свидание. Более того, «соколиным глазом» будет знакомиться со зданием и сама Франциска в ожидании приезда Герхарда и фрау Леверенц:

“Nur ihre grauen Falkenaugen schweiften lebhaft hin und her” [8. С. 489].

¹² “...vor Jahren, als in den Blättern soviel von der großen Studentenverschwörung geschrieben wurde, als sie die Könige all vom Leben bringen wollten – da soll er dabeigewesen sein!” [8. С. 481].

¹³ “...aber drüben bei den Preußen hatte man ihn jahrelang in einem dunkeln Kerkerloch gehalten; weder die Sonne, noch die Sterne der Nacht hatte er dort gesehen” [8. С. 481].

¹⁴ “Den Baron, Pfeffers? Den hat er totgeschossen und dann ist er in die weite Welt gegangen, um sich all den Verdruf an den Füßen wieder abzulaufen” [8. С. 482].

¹⁵ “...aber die Augen, diese unnatürlich jungn Augen, das sind wohl noch die echten alten aus unseren lustigen Tagen!” [8. С. 474].

¹⁶ “Ein neuer Förster? <...> schießen kann er wie gehext, und auf die Dirnen ist er wie der Teufel” [8. С. 480].

¹⁷ “...zugleich erhob sich von einem Eichenaste, der aus dem Walde auf das Dach hinüberlangte, ein großer Raubvogel und kreiste jetzt, seinen wilden Schrei ausstoßend, hoch über dem einsamen Bauwerk” [8. С. 484-485].

О том, что все эти «случайно» оброненные эпитеты и символы вовсе не случайны, что хищническая суть уже изначально смущала душу милой девушки, станет ясным к концу повести.

Время ее сюжетного действия – полгода, с начала мая до конца октября. Это время начинающейся любви Герхарда и Франциски, ее достаточно быстрого приближения к свадьбе и ее едва ли не мгновенной катастрофы с кровавым исходом, поскольку уводя от Герхарда невесту, лесник убьет его верного пса Лео, охранявшего дом и его обитателей от враждебных вторжений из леса. Убийство стража-защитника – еще один символ, включенный автором в структуру сюжета¹⁸.

Переселившись в «Лесной уголок», Герхард с помощью Франциски собирает и обрабатывает образцы местной флоры. Внезапное появление опекуна Франциски, пожелавшего продать свою подопечную за долги престарелому «жениху», ускоряет действие, переводя его в том числе и на уровень экономических отношений. Герхард фактически выкупает девушку, и это их сближает, они становятся любовниками. Но однажды в усадьбе появляется тот самый «новый лесник», которого они «несколько раз встречали в лесу», с приглашением для Франциски присоединиться к их молодежной компании, организующей танцевальный вечер в своем кругу. Герхард откажется отпустить любимую в неизвестную компанию, что ее разочарует и станет поводом для единственной размолвки влюбленных. Но Франциска умеет вовремя отступить, уступить, успокоить, сгладить углы. А потом Герхард заболевает, и она будет за ним ухаживать, но станет по разным поводам исчезать из дома. Здесь можно в чем-то согласиться, а в чем-то и не согласиться с суждениями И.С.Тургенева об этой новелле. Можно признать правоту русского писателя в «олитературивании» штормовских героев (Тургенев: “man wird von keiner der drei Figuren gewonnen, selbst vom Hund nicht, der auch etwas literarisch aussieht” [7. С. 758], но вряд ли он прав, отказывая своему другу в искусстве быть знатоком человеческой, особенно женской, души [Тургенев: “Alles ist hart, unmotiviert” – 8. С. 758].

Т.Шторм – прекрасный психолог, он тонко прослеживает мотивы человеческих поступков, и нужно внимательно вчитываться в его прозу, чтобы понимать то, что автор, не высказывая словами, оставляет читателям на домысливание. Так, оказавшись между двумя любовниками – старым и молодым, – Франциска искренне испытывает чувство вины перед Герхардом, который, как это обычно бывает, почует неладное только в ночь ее бегства. (наверное, и в самом деле выглядит литературной натяжкой, что истина объявится ему только во сне). О том, что происходит в душе героини, читатель судит по бурным и даже внезапным проявлениям ее нежности к старику, которому она обязана благополучием, по ее бледности, отсутствию аппетита, по ответам невпопад и нелепым объяснениям, когда Герхард, к примеру, слышит в лесу выстрел, а она, только что оттуда вернувшаяся, будто бы ничего такого не слышала и не заметила.

И еще – в пылу своего грешного романа она заведет с Герхардом речь о женитьбе, что станет для него неожиданностью: ведь он стар для нее, да и матримониальный опыт у него самый отрицательный. Но, понимая мотивировки девушки-сироты, благородный герой решает избавить любимую от бедности и выделяет ей половину своего состояния в виде «государственных бумаг», которые «все равно что деньги», а после этого, и в самом деле, назовет ее невестой и подготовит все к свадьбе. Но, как видно из ее поведения, подарок только ускорил их разрыв: обретя материальную независимость, девушка отбросила свои колебания. «Честно» прихватив только «свою», выделенную ей «долю», она в канун свадьбы сбегает ночью со своим лесником. Убитая собака, трусливое бегство, угрызения совести, любвеобилие ее хамоватого ухажера – вряд ли это идеальный фундамент для их будущего счастья, но это уже за пределами произведения.

За многими новеллами Т.Шторма закрепился литературоведческий эпитет «угрожаемая идиллия», впервые употребленный Г.Келлером после знакомства со штормовским стихотворением «В сторонке» (Abseits) (1847), в котором простая пейзажная зарисовка (степь, жучки в траве, задремавший крестьянин) заканчивалась двумя неожиданными строчками:

“ – Kein Klang der aufgeregten Zeit

Drang noch in diese Einsamkeit” [8. С. 110],

главным словом в которых было словечко «noch» (еще).

«Вторжение взволнованного времени» в тихую мирную обстановку, разрушение идиллии патриархальных «гнезд» энергичной или менее энергичной обуржуазившейся практикой – это чаще всего и есть основная коллизия произведений Шторма. Но его «Лесной уголок» – не только такая «уг-

¹⁸ Думается, что убить собаку, не разбудив ее спящего за стеной хозяина, лесник мог лишь с помощью Франциски.

рожаемая идиллия», это еще и аналог едва ли не классического мотива «потерянного рая», изгнание из которого обусловлено здесь вожделием к «запретному плоду». Мужественный мужчина, запутавшаяся в своих страстях женщина и дьявол в роли победителя, и тут можно было бы ставить точку, но Т.Шторм с этим не спешит: он вводит в сюжет произведения мотив картины, расставляющей новые акценты и дарящей грешникам «индальгенцию», которой они наверняка и не заслуживают.

Речь идет о картине, оставленной на стене «Лесного уголка» его прежним хозяином, покойным дедом нынешнего юнкера Вольфа. Как Герхард узнает из рассказа своей экономки Виб Леверенц, старый господин отселился в «Лесной уголок» из ревности, из-за обиды на любимого сына, который любовь к молодой жене предпочел сыновней привязанности к отцу.

«Изображала она (картина. – Авторы) широкий степной ландшафт, может быть, тот, что примыкал к «Лесному уголку»; над степью вставала первая розовая солнечная дымка; вдали вырисовывались два силуэта, два юных существа, женщина и мужчина рука об руку; словно паря, шли они навстречу утренней заре; на переднем плане, опираясь на посох, стояла согбенная фигура старика, глядевшего им вслед» [5. С. 368]¹⁹.

Герхард отыскал на картине «наполовину скрытую среди причудливых арабесок» стихотворную надпись:

Dein jung Genöß in Pflichten Nach dir den Schritt tät richten. Da kam ein andrer junger Schritt, Nahm deinen jung Genossen mit. Sie wandern nach dem Glücke, Sie schau'n nich mehr zurücke. [7. С. 189];	(Был вынужден твой друг молодой Соразмерять свой шаг с тобой, Но покорен он был другим, Шагавшим рядом молодым, И тот, другой, увел его, Младого друга твоего. И оба к счастью рвутся, Назад не обернутся). [Пер. И. Зусманович – 5. С. 369].

Картина воспроизводит ситуацию ухода молодых влюбленных от опечаленного этим старика. Так было со строителем «Лесного уголка», так случилось и с Герхардом. Конечно, с ним обошлись горше и подлее, но в целом произошло то, что и должно было произойти. Молодые идут навстречу восходящему солнцу, навстречу счастью, которое они должны выстроить сами. Это отвечает закону природы, это справедливо, и это надо принять.

Филологический анализ «изнутри», «от атомов» литературного произведения в виде разнообразных языковых единиц дает объективную картину сути и пафоса литературного произведения как детища автора, обусловленного прежде всего его интенциями [3. С. 702].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакалов А.С. Немецкая послеромантическая лирика (традиции и новаторство). Дисс... доктора филол. наук. М.: 2004. 405 с.
2. Бакалов А.С. Фридрих Геббель и Теодор Шторм (очерки поэтического творчества). Самара, 2005.
3. Бакалова З.Н., Бакалов А.С. Филологический анализ рассказа В.М. Шукшина «Охота жить» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2012. Т. 14. № 2–3. С. 702–705.
4. Дмитриев А.С. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. С. 32.
5. Шторм Т. Лесной уголок // Т. Шторм. Новеллы. Т. 1. М.: Худ. лит., 1965. С. 336–393.
6. Goldammer P. Anmerkungen // Theodor Storm. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsgb. von Peter Goldammer. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. Bd. 2. S. 705–782.
7. Goldammer P. Einleitung // Theodor Storm. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsgb. von Peter Goldammer. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. Bd. 1. S. 7–105.
8. Storm Th. Waldwinkel // Theodor Storm. Sämtliche Werke in vier Bänden / Hrsgb. von Peter Goldammer. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978. Bd. 2. S. 473–530.

Поступила в редакцию 01.07.2019

¹⁹ «Es war eine weite Heidelandschaft, vielleicht die an dem Waldwinkel selbst gelegene, hinter welcher eben der erste rote Sonnenduft heraufstieg; in der Ferne sah man, gleich Schattenbildern, zwei jugendliche Gestalten, eine weibliche und eine männliche, die Arm in Arm, wie schwebend, gegen den Morgenschein hinausgingen; ihnen nachblickend, auf einen Stab gelehnt, stand im Vordergrund die gebrochene Gestalt eines alten Mannes». [8. С. 505-506].

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Бакалов Анатолий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания литератур
E-mail: abakalov1941@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»
443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67

Z.N. Bakalova, A.S. Bakalov

“WALDWINKEL” BY TH. STORM (EXPERIENCE OF PHILOLOGICAL ANALYSIS)

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-727-732

The article presents an experience of philological analysis of one of the novellas by German writer of XIX century Theodor Storm. The aim of the article is to show the motivational level of the writer's skill, who presented the history of destruction of love between people of different age and social status within the poetics of “Biedermeier” and “poetic realism”. The author reproduces in the story not only the usual for him situation of “threatened idyll”, but also the situation of “lost paradise”, destroyed by the intrigues of the local “devil”. It reveals the author's technique of using the symbols of the nest and its devastation, the bird of prey and its victims. The plot of the novel is composed of time dilated significant fragments of action and is built as a system of points of view on the narrated by the actors – the burghermeister, peasants in the pub, Wieb Lewerenz and, of course, the author narrator. An important role for the story is played by the plot of the painting with poems on it, found by the characters on the wall of the “Waldwinkel”. Essential role is played by the evaluation of the novel by Th. Storm from the side of writing contemporaries. In any case, the author of the novel appears as a subtle connoisseur of human psychology.

Keywords: Th. Storm, “Waldwinkel”, Biedermeier, Gerhard, Franziska, novella, rent, forest, steppe, forester, nest, devastation, falcon, owl, plot.

REFERENCES

1. Bakalov A.S. Nemetskaya posleromanticheskaya lirika (traditsii i novatorstvo) [German post-romantic lyrics (tradition and innovation)]. Moscow, 2004, 405 p. (In Russian).
2. Bakalov A.S. Fridrikh Gebbel' i Teodor Shtorm (oчерki poeticheskogo tvorchestva) [Frederick Gebbel and Theodore Storm (essays on poetry)]. Samara, 2005, 131 p. (In Russian).
3. Bakalova Z.N., Bakalov A.S. Filologicheskii analiz rasskaza V.M. Shukshina “Okhota zhit” [A philological analysis of the short story by V.M. Shukshin “The Wish to Live”]. Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj Akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki [Academic journal Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences scientific center]. Samara, 2012, Vol. 14, no. 2–3, pp. 702–705. (In Russian).
4. Dmitriev A.S. Nemetskaya poeziya XIX veka [German poetry of the XIX century]. Moscow, Raduga Publ., 1984, 32 p. (In Russian).
5. Shtorm T. Lesnoy ugolok [Forest remote spot]. Shtorm T. Novelly [Novellas]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1965, Vol. 1, pp. 336–393. (In Russian).
6. Goldammer P. Anmerkungen [Annotations]. Theodor Storm. Sämtliche Werke in vier Bänden [Theodore Storm. All works in four volumes]. Hrsgb. von Peter Goldammer. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978, Vol. 2, pp. 705–782. (In German).
7. Goldammer P. Einleitung [Preface]. Theodor Storm. Sämtliche Werke in vier Bänden [Theodore Storm. All works in four volumes]. Hrsgb. von Peter Goldammer. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978, Vol. 1, pp. 7–105. (In German).
8. Storm Th. Waldwinkel [Forest remote spot]. Theodor Storm. Sämtliche Werke in vier Bänden [Theodore Storm. All works in four volumes]. Hrsgb. von Peter Goldammer. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1978, Vol. 2, pp. 473–530 (In German).

Received 01.07.2019

Bakalova Z.N., Doctor of Philology, Professor at Department of Russian language, culture of speech and methods of their teaching

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Bakalov A.S., Doctor of Philology, Professor at Department of Russian and Foreign Literature and methods of their teaching

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Samara State Social Pedagogic University

M. Gor'kogo st., 65/67, Samara, Russia, 443099